

Р. Чандлер

*Средняя Азия:
путешествие в Прошлое и Настоящее*

Последние десять лет вместе с женой и с помощью ряда энтузиастов я занимался главным образом переводами Андрея Платонова. В феврале прошлого года, за несколько месяцев до выхода в издательстве Harvill перевода на английский повести Платонова «Джан», руководитель Среднеазиатской службы Би-Би-Си Хамид Измайлов предложил мне поехать с продюсером в Каракалпакию – самую бедную и наиболее удаленную автономную область Узбекистана, чтобы посетить места, о которых идет речь в повести, и сделать потом несколько передач для вещания на русском языке. Я был удивлен и одновременно тронут этим предложением, тем более что именно во время беседы о Платонове около десяти лет тому назад мы познакомились с Хамидом и стали друзьями. Во время этой случайной встречи Хамид признался мне, что после того как в первый раз прочитал повесть «Джан», он впал в депрессию, мучаясь сознанием того, что не осталось ничего, о чем бы стоило еще написать: все, что можно было сказать о Средней Азии, Платонов, как ему представлялось, уже сказал.

Однако кроме волнения я почувствовал и беспокойство. Каракалпакия – район экологической катастрофы; уровень заболеваемости там туберкулезом и множеством других болезней – один из самых высоких в мире. По неофициальным данным, детская смертность достигает 60 человек на 1000 населения. Это в основном последствия обмеления Аральского моря. Советские руководители в свое время решили, что хлопок, выращивание которого требует огромного количества воды, должен стать в Узбекистане главной сельскохозяйственной культурой; бездумно построенные ирригационные системы быстро уменьшили в пять раз размер когда-то одного из самых больших в мире внутренних морей. Вода там сейчас отличается высокой соленостью, насыщена пестицидами и другими химикатами. Климат изменился и стал еще суровее, район подвержен пылевым бурям: токсичные соли Аральского моря были обнаружены даже в Индии. «Остров возрождения» посреди Аральского моря был крупнейшим советским

центром по разработке биологического оружия. Говорят, что там до сих пор находится большое количество неправильно захороненных спор сибирской язвы и других токсичных веществ.

Платонов описывает впадину недалеко от Аральского моря как «бледную засоленную землю, будто на ней высохли слезы, но горе ее не прошло»¹; он говорит, что там был «ад всего мира». Подчас трудно не поверить, что Платонов предвидел современную экологическую катастрофу, но в тоже же время очевидно, что в подобных описаниях содержатся аллюзии на «Ад» Данте. Повесть «Джан» открыта для многих интерпретаций, но, пожалуй, в большей степени это повествование о путешествии в поисках души. В названии повести использовано персидское слово, означающее «жизнь» или «душа». Писатель называет этим словом вымышленный народ, состоящий из изгоев и сирот, среди которых были «туркмены, каракалпаки, немного узбеков, казахи, персы, курды, белуджи и позабывшие, кто они». Повесть начинается с того, что главного героя, Назара Чагатаева, командируют из Москвы на родину, в Среднюю Азию, с тем чтобы он спас народ джан и вывел его из «ада» в «рай». Пройти по его следам, пусть и за более короткое время, казалось мне делом совсем не из легких. Меня также смущала перспектива оказаться еще одним европейцем, который ненадолго приезжает в регион, говорит, насколько там все ужасно, пожимает плечами и отправляется восвояси. И все-таки я поехал туда.

* * *

Места, которые мы посетим, отличаются от описанных Платоновым, но этого часто нельзя сказать о жизни, которую ведут люди. Это стало наиболее очевидным во время нашей поездки в Мойнак, бывший когда-то главным рыбным портом на Аральском море. Когда мы ехали туда по когда-то заросшему густым лесом устью Аму-Дарьи, нашим глазам представлялось нечто, своим видом напоминающее довольно большие островки снега; на самом же деле это была соль, оставленная солевыми дождями или выступившая из-под почвы вследствие выщелачивания в результате неправильной ирригации. Мы остановились на автобусной остановке, где нас встретили старик с белой бородой, несколько детей и около десяти женщин. Женщины, как принято в Узбекистане, одеты в одежду очень ярких тонов: на одних платья с цветочным рисунком, на других – с геометрическим. Мы знакомимся. Роза – продюсер, с которым я путешествовал, разговорилась с женщиной-казашкой; узнав, что обе они из одного рода и даже клана, они целуются. В течение нескольких минут подошли еще около десяти женщин. Каждая вновь прибывшая поздоровалась за руку со всеми присутствующими. Они стоят прямо, расправив

плечи, и двигаются с бóльшим достоинством, чем обычный англичанин или американец. Я нахожусь под впечатлением их очевидного – в этом апокалиптическом ландшафте – сознания собственной значимости. Не в последний раз мне приходит на память платоновское определение души (джан) как «богатства бедняков». Кого-кого, а Платонова лишь в последнюю очередь можно было бы обвинить в романтизации бедности. После голода 1921 года он почти оставил литературу на пять лет и работал главным образом как специалист-мелиоратор: в его ведении находилось рытье колодцев и осушение болот.

Старик, стоявший на остановке, был когда-то председателем колхоза. Я спросил его о Сталине. Он сказал мне, что Сталин был великим человеком: люди, подобные ему, появляются раз в тысячу лет.

Мы проезжаем Мойнак и выезжаем из города по грунтовой дороге. Через миль-другую мы видим группу рабочих. Они асфальтируют дорогу: она нужна, ведь здесь идет разведка газовых месторождений. Живут они в бараке, который доставили сюда на трейлере. Они работают вахтовым методом: двадцать дней здесь, потом десять дней отдыха дома за сотни миль отсюда, затем снова здесь двадцать дней. Воду и самые необходимые продукты им привозят два раза в неделю; готовят они сами. Как они выдерживают зимние морозы и летнюю жару, когда температура поднимается до 50 градусов, остается для меня загадкой. Они предложили нам лепешку. Я отломил кусочек: хлеб был сухой, но вкусный. По вечерам они играют в карты или рассказывают истории; видно, что их связывает чувство товарищества. Они рады иметь работу, пусть даже самую плохо оплачиваемую. Иногда выплату зарплаты задерживают на несколько месяцев. Задолженность часто погашают только в годовщину независимости Узбекистана, в сентябре. Мы спросили одного рабочего, каких изменений в стране он желал бы больше всего? Он высказал скромное пожелание, чтобы зарплата выплачивалась вовремя.

Узнав, что нам нужно еще несколько часов и автомобиль с полным приводом, чтобы добраться до постоянно отступающего берега Аральского моря, мы поворачиваем назад. К нам приближается джип. Мы останавливаемся, чтобы пропустить его, и сигналим. Джип тоже останавливается. Двое мужчин и женщина, все русские, специалисты по рептилиям и работают в Академии наук в Ташкенте. Они изучают, как ящерицы и змеи реагируют на экологические изменения. У них хорошее настроение: месяц «в песках», похоже, является воплощением их голубой мечты. Платонов, я уверен, не чувствовал бы себя чужим в их компании. Один из них, Юрий, читал «Джан», и повесть ему понравилась. У женщины по имени Эмилия в холщовой сумке маленькая серо-зеленая ящерица. Она достает ее и показывает нам: ящерица размером с ее указательный палец. Никто из нас не говорит чего-то значительного, но я

рад – рад встретить читателя Платонова в столь отдаленном месте и рад, что этот читатель занимается экологией. Платонов сам задолго до возникновения соответствующей научной дисциплины четко и ясно сформулировал глубинные принципы экологии:

«...и в глазах черепахи есть задумчивость, и в терновнике есть благоухание, означающие великое внутреннее достоинство их существования, не нуждающееся в дополнении душой человека. Может быть, им требуется небольшая помощь со стороны Чагатаева, но превосходство, снисхождение или жалость им не нужны...» (516).

В статье, опубликованной только в 1991 году, Платонов, в противовес господствовавшей идеологии, подчеркивал, что ни социализм, ни техника не могут изменить трагическую в своей основе суть жизни.

«Она [природа] не велика и не обильна. Или так жестко устроена, что свое обилие и величие не отдавала еще никому. Это и хорошо, иначе <...> всю природу давно бы разворовали, растратили, проели, упились бы ею до самых ее костей <...>²; «Древняя жизнь на «поверхности» природы еще могла добывать себе необходимое из отходов и извержений стихийных сил и веществ. Но мы лезем внутрь мира, и он давит нас в ответ с равнозначной силой»³.

Вскоре после встречи с учеными мы увидели группу из восьми мужчин, которые рыли траншею явно посреди пустого места: там и сям только небольшие кусты и островки соли. Рабочие сказали нам, что они выкапывают канализационную трубу: когда-то здесь прямо на берегу моря стоял санаторий – теперь этот берег на расстоянии 60 миль. Один из них, Руслан, говорит, что жил в Свердловске и Москве, но вернулся туда, где он родился, потому что это место лучшее на свете. Подобно Назару Чагатаеву и множеству других платоновских героев, он сирота. Руслан объясняет, что, поскольку ему никто не помогает, он не может купить корову и вынужден заниматься подобной работой. Слушая его, я вспоминаю наше посещение местного детского дома за день до этого. Некоторые из живущих там детей действительно сироты, однако многие – так называемые «социальные сироты». Часто женщина, вторично вступая в брак, отдает детей от первого брака в детский дом; средняя заработная плата в Узбекистане едва достигает восьми долларов в месяц – их хватает на покупку одного мешка муки. Понятно, что в этих условиях присутствие в доме детей от первого брака может стать источником напряженности. Директор детского дома Раида Раджаповна сообщила, что число находящихся в ее ведении детей за последние пять лет удвоилось и достигло почти 500 человек. Она также рассказала, что многие дети, стараясь изо всех сил сохранить веру в материнскую любовь, стремятся обвинить ее, директора, в том, что она забрала их из дома и лишила семьи. Руслан напомнил мне

этих детей: его любовь к месту своего рождения похожа на доходящую до иступления любовь ребенка, которого бросили и который не хочет признать, что его предали.

Вернувшись в Мойнак, мы посетили Музей Аральского моря, находящийся в самом ужасном состоянии. Там есть картины с изображением Аральского моря «до» и «после». Есть облезшее чучело грифа. Мы рассматриваем фотографии бывшей гордости города – рыбоконсервного комбината. Некоторые надписи под фотографиями содержат слова «Партийный комитет комбината». Кто-то пытался вымарать слово «партийный», как если бы наследие Советского Союза могло быть зачеркнуто простым движением пера.

Часов около пяти мы – единственные посетители за весь день – покидаем музей. Оттуда мы направляемся на рыбоконсервный комбинат. Раньше здесь было 5000 рабочих, теперь – 300, хотя трудно представить, какая работа может быть даже для них, потому что в Аральском море больше нет рыбы. Мы немного общаемся с женщинами, покидающими комбинат, но тут вмешивается кто-то из администрации и предлагает встретиться с директором. Нас приглашают в довольно большой кабинет Сергея Ивановича. Он излагает свои планы. Скоро для фабрики начнется новое светлое будущее, обеспеченное не советскими идеалами, а американскими долларами. Во-первых, в течение нескольких месяцев рыба должна будет доставляться сюда с Балтики – это 3000 миль поездом, потом три часа на машине. Затем комбинат начнет производство консервов из разновидности мягкопанцирного краба, используемого в рыбных хозяйствах в качестве корма для дорогих пород рыб; самих этих крабов будут выращивать в соседних озерах. Ни одно его слово не внушает доверия.

Уже вечером мы возвращаемся в нашу гостиницу в Нукусе – столице Каракалпакии. Перед сном я перечитываю абзац из второй главы повести «Джан»:

«Вдалеке наступала ночь; на темную низкую землю, откуда вывела его мать, уже легла тень, и лишь курился белый дым из кибиток и землянок, где прежде жил ребенок. Назар в недоумении попробовал свои ноги и тело: есть ли он на свете, раз его никто теперь не помнит и не любит; ему нечего стало думать, будто он жил от силы и желания других близких людей, а сейчас их нет, и они прогнали его. Шершавый куст-бродяга, по-русски перекати-поле, без ветра склонялся и перекатывался по песку, уходя отсюда мимо. Куст был пыльный, усталый, еле живой от труда своей жизни и движения; он не имел никого – ни родных, ни близких, и всегда удалялся прочь. Назар потрогал его ладонью и сказал ему: “Я пойду с тобой, одному мне скучно, – ты думай про меня что-нибудь, а я буду про тебя. А с ними я жить не хочу, они мне не велели, пускай сами умрут!” – и он погрозил тростниковой палкой на родину и забывшей его матери» (445 – 446).

Спустя два дня мы посетили другой музей. Там мы увидели экспонат, являющий собой еще более печальное зрелище, чем облезлый гриф в Мойнаке. За стеклом чучело тигра. Это самый последний туранский (или каспийский) тигр, убитый в 1972 году недалеко от Нукуса. Кто убил его и зачем, похоже, никто не знает. Тигр не успел окончательно вырасти и стать взрослым, и он смотрит из-за стекла с выражением удивления. Тут я в который раз вспоминаю Платонова:

«Человечество – без облагораживания его животными и растениями – погибнет, оскудеет, впадет в злобу отчаяния, как одинокий в одиночестве»⁴.

Авториз. перевод с англ. М. Дмитриховской

Забывтое памятью

Как маленькие старики, стояли дикие кустарники;
они не выросли с тех пор, когда Чагатаев был ребенком,
и они, кажется, одни из всех местных существ не забыли
Чагатаева, потому что были настолько непривлекательны,
что это походило на кротость, и в равнодушие или в беспамятство
их поверить было нельзя. Такие безобразные бедняки должны
жить лишь воспоминанием или чужой жизнью, больше им нечем.

Чагатаев не понимал равнодушного, окончательного забвения;
он помнил людей неизвестных и давно умерших, даже тех,
которые ему были бесполезны и самого его не знали, ведь иначе,
если погибших и исчезнувших быстро забывать, то жизнь
вовсе делается бессмысленной и жалкой: тогда остается помнить
только одного себя.

Андрей Платонов. Джан

По мере ускорения прогресса нам становится все труднее ощущать связь с прошлым. Наверное, гораздо проще покончить с ним и уверовать в миражи будущего или же в такое прошлое, которое заново воссоздано в выгодном для нас свете. Английский писатель пакистанского происхождения Зияуддин Сардар с волнением писал о разрушении старой Мекки и Медины в 70-е годы двадцатого века. Уникальные, дивные по красоте здания сровняли с землей, чтобы освободить место для автомагистралей и высотных отелей и тем самым обеспечить комфорт паломникам. Этот разрушительный акт, – свершавшийся, кстати, под руководством семьи Осамы бен Ладена, в те годы имевшей в Саудовской Аравии монополию на строительство культовых и прочих сооружений, – послужил также утверждению фундаменталистского воззрения на то, что в арабской куль-

туре лишь предания о жизни Пророка имеют непреходящую ценность. Подобные рассуждения привлекают своей простотой, которая, впрочем, характерна для любой тоталитарной доктрины. Заслуженно забытый советский писатель П. Павленко в 30-е годы писал о Средней Азии: «Туркмения прошлого ликвидируется... Сегодняшний Туркменистан вырвался из своей прежней истории... Всю Бухару надо срыть и отправить в утильсырье для рассыпки, как навоз».

Ответ на вопрос о том, как относиться к своему прошлому, ищет не только каждый человек в отдельности, но общество в целом. Для пяти среднеазиатских республик бывшего Советского Союза вопрос этот встал с особой остротой. С одной стороны, теперь это новые независимые государства, которые после полуторавекового российского господства пытаются обрести национальное самосознание, с другой – они представляют регион с необычайно богатой и древней цивилизацией. В разные периоды истории эта территория находилась под влиянием Китая, Персии, Греции, Индии, турко-монгольских народов, а также манихейцев и несториан. В начале новой эры большую часть региона занимало буддистское Кушанское царство. Самарканд, возвысившийся уже в годы правления Александра Македонского, наряду с Бухарой стал впоследствии одним из крупнейших городов исламского мира.

Как уже сказано, в прошлом году я посетил Узбекистан, чтобы принять участие в подготовке радиопередач о повести Андрея Платонова «Джан», действие которой разворачивается в Средней Азии. Память – одна из центральных тем в творчестве Платонова, так что во время этой поездки отношение к прошлому как официальное, так и неофициальное, стало предметом моего особого внимания.

* * *

Недавнее советское прошлое Узбекистана предано своеобразному «мнимому забвению». Официальная установка – делать вид, будто многих событий двадцатого века не было и в помине. Ветеранам Великой Отечественной войны запрещено носить на публике советские ордена и медали. Про нерешительно вымаранное слово «партийный» я уже писал. По дороге из Хивы в Бухару виднеется вырубленный в скале барельеф Ленина – достаточно заметный, несмотря на явные попытки уничтожить его.

Коммунизм отступил в прошлое, однако отнюдь не демократия заняла освободившееся место. Президент Каримов решил уподобить себя деспотическому правителю Тамерлану. Самарканд, исторически стольный град Тамерлана, а ныне оплот власти узбекского президента, всячески преподносится как символ могущества Каримова, а вместе с ним и всего Узбекистана. В городе заметны следы «мнимой памяти»: например, фасад мечети

Биби Ханум надстроен из железобетона (что обернется бедой, случись землетрясение) и выложен современной керамической плиткой. А Регистан, обширнейшая центральная площадь и излюбленный сюжет туристических плакатов, теперь более походит на декорации к голливудской киноэпопее.

Я испытал облегчение, удалившись из центра и выйдя на узкую улочку Шах-и-Зинда, уходящую вверх по крутому холму. Все двадцать два строения по обеим сторонам улицы представляют собой гробницы местных правителей, построенные в XIV – XV веках и теперь находящиеся в разных стадиях обветшалости. Обойдя кругом иные из зданий, я заметил пробивающуюся сквозь трещины в стенах траву. Улица заглублена в землю, так что тысячелистник и маки, которыми порос холм, оказываются на уровне ваших глаз. Фасады зданий утратили добрую половину своей мозаики и майолики, однако то, что осталось, поражает изяществом и разнообразием. За улицей тянется череда кладбищ – мусульманское, еврейское, корейское, христианское и советское.

В отличие от Регистана, улицу Шах-и-Зинда посещают не только туристы, но и паломники. Святейшее из святилищ – мавзолей Кусамы ибн Аббаса, двоюродного брата Пророка, который, по преданию, принес в страну мусульманскую религию. В паломниках, которые продолжают преимущественно суфийские традиции, я сразу почувствовал человеческую доброту и открытость. Подойдя к гробнице, один из паломников нараспев произносит молитву; по ее окончании к нему присоединяются его собратья по вере, а также все присутствующие: воздев к небу раскрытые ладони и таким образом приняв благословение Аллаха, они проводят затем ладонями по лицу, словно умывая его. Меня немало удивила их терпимость к иноверцам: они бы не осудили меня, останься я в зрителях; мое же решение присоединиться к ним было воспринято благожелательно. Подобно тому, как бывшая красота гробниц поражает больше, нежели безвкусные и уродливые новоделы Регистана, паломники видятся мне людьми намного более мудрыми и благородными, чем приверженцы суррогатных концепций как современного узбекского национализма, так и религиозного фундаментализма.

Пятничная мечеть в Хиве, третьем по своему историческому значению городе Узбекистана, являет собой несколько иной, но не менее впечатляющий пример непрерывающейся культурной традиции. Мечеть была возведена в XVIII веке, однако некоторые из 218 резных колонн из карагача, поддерживающих плоскую крышу, датируются началом десятого века и принадлежат более ранней постройке. Одна из колонн со стертым веками орнаментом – точно древесный ствол, сначала ставший произведением искусства, а затем снова обернувшийся деревом. Резные узоры на ее поверхности едва угадываются, и это дает пищу воображению. В дав-

ние времена перед началом резных работ карагач не менее пяти лет выдерживали в курином помете; современные же колонны, возведенные при реставрации мечети, пропитывались хлопковым маслом лишь год-другой. Новые колонны грубы и шершавы, а старые на ощупь – как шелк.

В этих среднеазиатских городах различные исторические эпохи соединяются не только в пределах одного здания, но и в одном человеке. Одна из наиболее запоминающихся встреч была у меня в Бухаре. Мы с коллегами остановились в доме еврейского купца, теперь превращенном в уютную гостиницу, где даже имеется Интернет. Как-то раз, бродя по старому городу, мы разговорились с кузнецом по имени Шариф Камалов. Как и прочий образованный люд в Узбекистане, он знает русский язык, так что проблем с пониманием у нас не было. Несмотря на то что после 11 сентября 2001 года поток туристов в эти края заметно уменьшился, его бизнес, без всякого сомнения, процветает. Шариф занимается изготовлением ножиц, по форме напоминающих птиц: в закрытом виде они походят на петуха, аиста, пеликана и прочих пернатых. Кузнец с энтузиазмом заговорил о свободе, которую получил народ в независимом Узбекистане. Сам он теперь волен делать то, что хочет, и уже не раз ездил на съезды кузнецов в Англию, Францию, Германию и Пакистан. Когда я спросил Шарифа о том, как ему жилось при советской власти, он помрачнел: «Варганил сельхозинвентарь – вот всё, чем я мог заниматься». С особой грустью он говорил об отце, всю свою жизнь прожившем при советском режиме.

Хотя Сталин присоединил Бухару и Самарканд к Узбекистану, в действительности это персидские – или таджикские – города. Основной язык большинства их обитателей – таджикский, который лишь незначительно отличается от фарси. Последние три года я изучал фарси, так что в разговоре с кузнецом отважился произнести несколько слов на этом языке. Камалов несказанно этому обрадовался и пришел в еще больший восторг, когда я сказал, что учу фарси, чтобы читать поэзию Хафиза. Он тут же процитировал одну из красивейших газелей средневекового персидского поэта. За две недели до того я как раз разбирал именно эту газель и, легко понимая кузнеца, подхватил стихотворную строку. Неожиданно обнаружив еще один язык, позволивший нам перейти на более глубокий уровень общения, мы оба были чрезвычайно тронуты. Меня поразило то, как быстро мы вернулись в прошлое. Под внешним обликом предприимчивого бизнесмена скрывался советский пролетарий, а еще глубже – человек, знакомый с мистико-эротической поэзией, уходящей своими корнями в средние века.

Трагичность ситуации состоит в том, что узбекские власти поставили перед собой цель истребить в стране неузбекскую культуру. Поскольку Самарканд и Бухара по сути своей двух-, трех- и даже четырехязычные

города (таджикский – язык основного населения, арабский – язык Корана, а русский и узбекский – официальные языки как прошлого, так и настоящего), то достичь цели возможно, лишь уничтожив самую сердцевину этого культурного сплава. Например, национальная музыка традиционно исполняется на смеси узбекского и таджикского, которая носит название «шир-о-шакар», то есть «молоко и сахар»; при этом считается, что красота обоих языков в подобном сочетании лишь подчеркивается. А музыкантами в Бухаре испокон веку были евреи, и участие их в мусульманских свадьбах и прочих церемониях было делом само собой разумеющимся. Ныне же большинство бухарских евреев выехало в Израиль – еврейская община, в 1991 году насчитывавшая более десяти тысяч человек, теперь сократилась до тысячи.

Однако не только употребление отличных от узбекского языков сводится на нет; в стране идет планомерное уничтожение иноязычных книг. Школам предписано списать в макулатуру как таджикские учебники, так и переводы на таджикский произведений мировой классики. В районах с компактным проживанием таджиков можно встретить публичные библиотеки, в которых не найдется ни одной книги на таджикском языке.

Подобное варварство неизбежно вызывает в памяти разорительные кампании прежних эпох, не раз и не два сотрясавшие Среднюю Азию. Немногое в ней уцелело после набегов Чингисхана и Тамерлана, к тому же причины чудесного спасения того или иного исторического памятника весьма неожиданны. Например, в Бухаре, дотла сожженной татара-монголами, сохранились две примечательные постройки. Это минарет Калон, по тем временам самая высокая отдельно стоящая башня, которая до того поразила Чингисхана, что тот пал перед ней ниц и велел пощадить ее – заманчиво представить себе повелителя бескрайних степей, ошеломленного смелостью, с какой минарет прорвался в другое измерение. Это и мавзолей десятого века, времен династии Саманидов, который, по всей вероятности, избежал разрушения лишь потому, что был погребен под песком. Здание мавзолея, изящный золотистый кирпичный куб, увенчанный круглым куполом, было построено задолго до появления разноцветной плитки в мусульманской архитектуре. Как снаружи, так и внутри стены мавзолея выложены кирпичными квадратами, кругами и треугольниками – зороастрийскими символами, которые в своей безыскусной простоте кажутся на удивление современными. Мавзолей, практически в первоначальном виде, был обнаружен под многометровым слоем песка и земли в 1934 году советским археологом.

Еще один пример конструктивного отношения к прошлому – это ткацкая мастерская в Хиве, работающая под эгидой ЮНЕСКО и американской благотворительной организации с не вполне удачным названием «Операция Милосердие». Используя лишь натуральные красители, работ-

ницы мастерской – двадцать молодых женщин (из которых большинство являются инвалидами или выходцами из неблагополучной среды) – заняты производством шелковых ковров. Идеи для ковровых рисунков черпаются из трех источников: это ковры кочевых туркменских племен, прихотливый цветочный орнамент на плитках хивинских дворцов и изображения ковров на миниатюрах периода Тимуридов. Рисунки на миниатюрах, сочетающие тюркский геометрический орнамент с персидским цветочным узором, по всей очевидности, используются впервые за пятьсот лет. Молодой работник мастерской показал мне некоторые из применяемых красителей; кое-какие сведения о них я почерпнул из небольшого буклета. Кожура граната окрашивает шелк в темно-золотистый цвет; бабах, или смесь луковой чешуи, виноградных, яблочных листьев и листьев хурмы, придает материалу ярко-желтую окраску; корень марены – кораллово-розовую, однако с добавлением чернильного орешка цвет меняется на темно-красный; индиго, привозимое из Индии, стоит немалых денег; скорлупа грецкого ореха, используемая современной косметической промышленностью в лосьонах для искусственного загара, дает светло-коричневый оттенок. В мастерской на тот момент был закончен всего один ковер, и я сразу решил, что должен купить его. Расцветка его была изысканна и нежна, а древний рисунок – на удивление современен. Позже я познакомился с молодым американцем Крисом, директором мастерской, и он немного рассказал мне о трех женщинах, выткавших мой ковер. Одна из них еще до прихода в мастерскую разошлась с мужем, потому что ее изнасиловал свекор. Будучи разведенной, она скатилась в низшие слои общества, однако теперь, благодаря постоянной работе и хорошей зарплате, ее социальный статус возрос, и она снова смогла выйти замуж. История, рассказанная Крисом, подтвердила мои собственные мысли по поводу ткацкой мастерской: дело в ней было поставлено с большой заботой не только о прошлом, но и о нуждах дня сегодняшнего.

Самарканд, Бухара и Хива – популярные туристические центры, однако самым ярким событием нашего путешествия стала поездка в столицу Каракалпакии Нукус, который оказался захудалым, унылым и пыльным городишкой. В Нукусе вы найдете лишь две достопримечательности – остатки Аральского моря, ставшего зоной экологического бедствия, и музей изобразительных искусств с уникальной коллекцией советской живописи, собранной Игорем Савицким. Моря мы не увидели – воды его отступили так далеко, что без транспорта до них не добраться, – а в музее я побывал три раза.

Мариника Бабаназарова, нынешний директор музея, поведала нам его историю. Художник Игорь Савицкий, побывавший здесь в 50-е годы в составе археологической экспедиции, влюбился в этот край и, оставив свою квартиру на московском Арбате, поселился в Нукусе. Ему удалось

убедить местные власти в том, что городу необходим музей каракалпакского народного искусства – украшений, ковров, музыкальных инструментов, мебели для юрты, верблюжьей сбруи. (Порой Савицкий находил фрагменты драгоценных ковров в оросительных каналах – они использовались для устройства запруды.) Затем он начал коллекционировать картины современных узбекских живописцев, а также советских художников, перебравшихся на жительство в Среднюю Азию. В 1966 году Савицкий основал музей изобразительных искусств. Самое удивительное во всей этой истории то, что в свои частые визиты в Москву и Ленинград он приобретал у вдов и наследников художников-авангардистов их запрещенные в то время работы и таким образом создал впечатляющее собрание живописи 20 – 30-х годов. Возвращаясь в Нукус (дорога туда из Москвы занимала три дня), он заполнял полотнами два, а то и три купе. Это стало возможно именно благодаря тому, что Нукус за тысячи километров удален от властей предрержащих. Многие картины были принесены музею в дар; за другие заплатили каракалпакское и узбекское правительства – чиновники имели слабое представление о том, как собиратель распоряжается их деньгами. Савицкий пополнял живописную коллекцию вплоть до своей смерти в 1984 году. В иных случаях, полагая, как важно представить зрителю творческую «кухню» какого-нибудь художника, он собирал вместе до тысячи его работ. Музей способен показать в одной экспозиции лишь три процента собранного Савицким.

По мнению Мариники, неукротимая страсть Савицкого к собирательству – возможно, следствие впечатлений детства, проведенного в Киеве и совпавшего по времени с Октябрьской революцией и гражданской войной. Став свидетелем массового разрушения украинской культуры, он вознамерился отдать свои силы сохранению культур других народов. Слушая Маринику, я невольно подумал о сходстве Савицкого с Вошевым, персонажем романа Андрея Платонова «Котлован»: «Он собрал по деревне все нищие, отвергнутые предметы <...> для социалистического отмщения. Эта истершаяся терпеливая ветхость некогда касалась батрацкой, кровной плоти <...> Сейчас он предъявлял тех ликвидированных тружеников к лицу власти и будущего, чтобы посредством организации вечного смысла людей добиться отмщения – за тех, кто тихо лежит в земной глубине».

Когда Савицкий ходил по округе, собирая верблюжью сбрую и утварь для юрт, его, как и Вошева, принимали за старьевщика. Подобно многим платоновским героям, он явно был неспособен к личному накопительству. Получив от государства квартиру, он отдал ее своим помощникам, а сам ходил ночевать в музей.

Собрание Савицкого включает полотна Любви Поповой (имя ее известно и на Западе), а также таких художников, как Роберт Фальк, мало

знакомых за пределами России, и, кроме того, столь же талантливых мастеров, о которых знают только в Нукусе, поскольку работы их сохранились лишь в местном музее. Мрачные лица бухарских евреев, запечатленные Еленой Коровай, напомнили мне о раннем Шагале. Портрет Пушкина работы Николая Тарасова в своем роде уникален в передаче присущих поэту грации и юмора. Несколько вытянутая фигура Пушкина стоит, слегка склонившись, в довольно женственной позе. Рукою поэт опирается на стол; осенние ярко-желтые листья за окном, возможно, намекают на его блеск и великолепие. Все это резко контрастирует с торжественной скукой портретов величайшего русского поэта, выполненных кистью официальных советских художников. Тарасов родился в 1896-м и умер в 1969 году. В 20-е годы он учился в Москве; о его последующей жизни мы знаем крайне мало. Его персональная выставка, намеченная на 1928 год, по неизвестным причинам была отменена по указанию сверху. В 1934 году одна из его картин была включена в коллективную экспозицию, однако какой-то партийный чиновник распорядился снять со стены «это дерьмо», и с тех пор Тарасов отказался от участия в выставках.

Многие из ранних работ Надежды Кашиной (1896 – 1977) столь же прекрасны, как и марокканские полотна Матисса. На одной из них изображен мужчина в синем, сидящий возле груды дынь: ослепительные в своей желтизне плоды не потеряли очертаний; мимо идет женщина, одетая в белое с розовым платье, на голове у нее оранжевый платок, а поверх него – зеленый арбуз; тут же ослик с красно-коричневой полосатой корзиной, наполненной лимонами; на заднем плане виднеется украшенная голубым куполом мечеть. Несмотря на изобилие красок, картина не оставляет ощущения тесноты – напротив, она полна воздуха и света. Средний период творчества Кашиной менее интересен: после того как ее работы были подвергнуты критике на персональной выставке в 1932 году в Самарканде, она попыталась втиснуть свое вдохновение в рамки социалистического реализма. Однако в ее карандашных рисунках последних лет жизни чувствуется простота и свобода, близкая по духу Пикассо. Виктор Уфимцев (1899 – 1954) – столь же замечательный, сколь и неведомый публике художник. Его картина, изображающая верблюда в пустыне, напомнила мне о рисунках английского футуриста Годье-Бжецки, запечатлевших зверей Лондонского зоопарка. Созданные Уфимцевым акварельные портреты музыкантов, а также стоящих женщин довольно неожиданно сочетают кубизм и изящество линий; его картина «Аральский полустанок» вызывает в памяти работы Анри Руссо.

При всей своей приверженности к сохранению памяти о прошлом, Савицкий, если возникала такая необходимость, был готов кое о чем и подзабыть, иногда намеренно. Он собирал работы диссидента 70-х Михаила Шемякина, однако в каталоге помечал его как неизвестного художника.

Он также сумел доказать проверяющей комиссии, что рисунки Надежды Боровской, жертвы ГУЛАГа, изображают нацистские лагеря. Мариника, тогда совсем молодая девушка, до сих пор помнит, что долго не могла оправиться от шока, услышав от Савицкого правду.

Энтузиазм и компетентность сотрудников музея впечатляют не менее самой коллекции. Айгуль, немолодая женщина, которая показывала нам образцы каракалпакских народных промыслов, по окончании экскурсии спела нам традиционные колыбельные песни, а также свои собственные сочинения. Работать в музее она начала уборщицей; ходя по залам с веником и тряпкой, рассматривала картины и прислушивалась к тому, о чем Савицкий рассказывал посетителям. Благодаря поддержке Савицкого Айгуль в уже вполне взрослом возрасте получила образование по трем специальностям. Она рассказала, что музей поставил своей целью возродить каракалпакское народное искусство. Его образцы, выставленные на продажу в музейном магазине, поистине замечательны.

Узбекистан – во многих смыслах настолько закрытое общество, что это вызывает некий душевный трепет. Например, социально приемлемые близкородственные браки имеют своим следствием ужасающее число вырожденцев. На центральной площади Ташкента установлена скульптура – глобус, на котором показаны границы единственной на Земле страны – Узбекистана. И это действительно единственная (кроме княжества Лихтенштейн) на земле страна, не имеющая выхода к морю даже через своих соседей. Покидая эту страну, я понял: именно то в ней, что наиболее открыто для прошлого, каким бы сложным оно ни было, – кузнец Шариф Камалов, гостиница в Бухаре, ткацкая мастерская в Хиве, музей Савицкого – так же широко открыто не только для будущего, но и для всего мира.

Авториз. перевод с англ. О. Макаровой

¹ Платонов А.П. Проза. М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. С. 575. Далее повесть «Джан» цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте статьи. *Прим. перев.*

² Платонов А. <О социалистической трагедии> // Новый мир. 1991. №1. С. 145. *Прим. перев.*

³ Там же. С. 146. *Прим. перев.*

⁴ Платонов А.П. Записные книжки: Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. С. 155. *Прим. перев.*